

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ФОНЕТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РИФМ.

(К вопросу о пушкинской орфоэпии.)

В настоящее время представляется излишним доказывать, что изучение рифм со стороны их звучания имеет существенное значение как для истории и теории поэзии, так и для общей истории и грамматики данного языка. Это положение давно уже пользуется всеобщим признанием, и в сочинениях о русском языке — старом и современном — авторы часто ссылаются на показания рифм¹⁾. Можем, напр., указать на целый ряд работ проф. Е. Ф. Будде, на которые нам придется не раз сослаться в дальнейшем изложении²⁾. Данными рифмы широко воспользовался также В. И. Чернышев в своей книжке: «Законы и правила русского произношения»³⁾. Наконец, в 1919 г. появилось обширное и чрезвычайно ценное исследование о русской рифме с точки зрения произношения, принадлежащее перу проф. Р. И. Кошутича и составляющее приложение к его труду: «Грамматика русского языка. I. Гласови.

¹⁾ В западной лингвистической литературе образцом систематического исследования рифм с фонетической точки зрения является труд W. Viëtor'a: *A Shakespeare phonology with a rime-index to the poems as a pronouncing vocabulary*. Marburg. Elwert. 1906.

²⁾ Несколько заметок из истории русского литературного языка «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1898. III, 1899. V; Из истории русского литературного языка конца XVIII и начала XIX в. Там же 1901. II; Опыт грамматики языка А. С. Пушкина. I—III. «Сборн. Отд. Русск. яз. и Словесн. Акад. Наук». Т. LXXVII. №№ 4—6. Спб. 1904; Очерк истории современного литературного языка. Энциклопедия Славянской Филологии. Вып. 12. Спб. 1908; О поэтическом языке Пушкина. Пушкин. Под ред. С. А. Венгерова. Т. V. Спб. 1911. Стр. 229—245.

³⁾ 3-ье изд. Пг. 1915.

А. Општи део (Књижевни изговор) ¹⁾. Здесь рифмы, извлеченные в изобилии из стихотворных произведений Пушкина, Жуковского, Грибоедова, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, А. Толстого, Фета, Майкова, Полонского, Брюсова (в общем свыше тысячи примеров), с одной стороны, использованы как иллюстративный материал для устанавливаемых автором в его книге положений о русском литературном произношении, с другой — подвергнуты классификации по фонетическим признакам и оценке со стороны их точности с точки зрения норм литературного (московского) произношения. Следует также отметить, что немало ценных наблюдений над Пушкинской рифмой содержится в работе ак. Ф. Е. Корша «Разбор вопроса о подлинности окончания «Русалки» Пушкина по записи Д. П. Зуева» ²⁾; а в 1905 г. им был составлен «План исследования о стихосложении Пушкина и словаря Пушкинских рифм» ³⁾, впрочем, рассчитанный, по словам автора, «скорее на словарь русских рифм вообще, чем на рифмы какого-либо русского поэта в частности» ⁴⁾.

Несмотря на то, что рифмами, как показывает этот беглый обзор, уже давно пользуются как материалом для исследования истории русского произношения и его современного состояния, вопрос о методологическом значении фонетического изучения рифм и, в частности, о пределах применимости этого метода, и до сего времени не может считаться вполне уясненным. Этому методологическому вопросу будут посвящены дальнейшие страницы предлагаемой заметки.

Прежде всего представляется целесообразным рассмотреть несколько образцов тех вопросов о произношении старых поэтов, которые могут быть удовлетворительно разрешены путем анализа рифм. В качестве материала для этого примерного исследования будем пользоваться рифмами Пушкина ⁵⁾ и нескольких его старших и младших по языку современников — Батюшкова, Баратынского, Тютчева.

¹⁾ Друго изд. Пг. 1919. Стр. 257 — 503 = §§ 203 — 270-а.

²⁾ Спб. 1898—1899. Отд. отд. из «Известий Отд. Русск. яз. и Словесн. Имп. Ак. Наук». Т. III, кн. 3; т. IV, кн. 1 и 2.

³⁾ Пушкин и его современники. Вып. III. Спб. 1905. Стр. 111—134.

⁴⁾ Стр. 115.

⁵⁾ Ссылки на сочинения Пушкина по изданию под редакцией С. А. Венгерова. Арабская цифра указывает номер стихотворения, римская — часть, главу или песнь поэмы; маленькие арабские цифры означают нумерацию стихов.

При помощи анализа рифм решается, например, вопрос о церковно-славянском или русском характере вокализма ударенного слога, содержащего сохраняемый в орфографии этимологический гласный *e*, в тех случаях, где в нынешнем произношении или всегда звучит *ѣ* (о с смягчением предшествующего согласного), или возможно двойное произношение — *e* или *ѣ*, — иначе говоря, вопрос о реальной звуковой значимости буквы *e* в этих слогах ¹⁾. Рифмы указывают, что существительные *ревъ* и *утесь* в их различных формах Пушкин употреблял только в церковно-славянской огласовке ²⁾: *ревъ* рифмуется с *левъ* 461.₁₂, *присмирѣвъ* Полт. III. 200; 590.₁₄, *гнѣвъ* и *освирѣѣвъ* 590.₁₄, род. *рева* с *гнѣва* в «Родосл. м. героя» (728).₁₂, твор. *ревомъ* с *снаѣвомъ* 50.₆₂; *утесь* с *лѣсъ* 470.₁₁, род. *утеса* с *лѣса* 397.₅ и *Черкеса* Странствие Он. 9 и *Галуб*₁₃₀; точно так же и формы ед. ч. прош. вр. сложных глаголов от корня *тек* —, встречающиеся у Пушкина в рифмах только в переносном значении: *протекъ* — *вѣкъ* 84.₃₈, *навѣкъ* Р. и Л. Эп.₃₇, по-

В ссылках на крупные произведения, написанные в строфической форме, большими арабскими цифрами обозначены номера строф. Примеры, при которых не указаны имена авторов, выбраны из сочинений Пушкина.

1) Ср. *Будде* Опыт грамматики... Введение; также упомянутые его статьи и Очерк истории... Стр. 16 сл.; *Чернышев*. Стр. 32—33; *Кошутич* § 267-а. Стр. 485 сл.

2) а) Едва ли не ошибается проф. Будде, утверждая, что «Пушкин знает слово *ревъ* гораздо чаще с *e*, чем с *ѣ*» (Опыт грамматики... I, стр. 15): примеров русской огласовки этого слова среди рифм Пушкина мы не обнаружили вовсе. Необъяснимым недоразумением представляется отнесение рифмы *утеса* — *Черкеса*, а также рифм *лѣсъ* — *грезъ*, *желѣзы* — *слезы*, *тяжелой* — *оробѣлой* к разряду «бедных рифм» с «*e* вместо *ѣ*» у ак. Корша в «Разборе вопроса о подлинности окончания „Русалки“» (стр. 19—20), — тем более, что в «Плане... словаря Пушкинских рифм» автор упоминает о том, что при различении точных и неточных рифм «необходима большая осторожность во внимание к тому обстоятельству, что произношение Пушкина в точности нам неизвестно и... в стихах... несомненно носило на себе следы тогдашнего литературного предания, которым обуславливается, напр., сохранение звука *e* там, где в обычной речи слышится *ѣ*...» (Стр. 114).

б) Относительно *ревъ* это верно и для Баратынского, у которого находим это слово в рифме 3 раза в церковно-славянской огласовке и ни разу в русской. Слово *утесь* не встречается в рифме ни у кого из трех рассматриваемых поэтов, *ревъ* — только у Баратынского.

текъ —человѣкъ 541.²³ ¹⁾; то же можно было бы сказать и о прилагательном веселый, если бы употребление его в рифме не сократилось у Пушкина в 1822 г.: в разных своих формах оно рифмуется с Филомелой 8.¹³, бѣлой 26.⁴⁸, смѣлой Р. и Л. I.²⁵⁵, смѣлый 31.¹⁸⁸, опустѣломъ Р. и Л. III.¹⁴⁴, преста-рѣлы 31.³⁶, опустѣлыхъ Вадим (335)^{Б 116} ²⁾; после 1822 г. это слово встречается в Пушкинских рифмах лишь изредка и то в положениях с точки зрения огласовки не показательных (напр., тяжелый—веселый Е. О. IV. 42). С другой стороны, в целом ряде слов обнаруживается неустойчивость огласовки: так, формы множ. ч. существительного слеза с гласным е в ударенном слоге рифмуются то с желѣзы 183.²⁰, К. П. II.⁹⁴ (ср. также прилаг. слезнымъ—любезнымъ Е. О. IV. 34), то—чаще—с розы 31.²⁹³, 76.²⁰², 101.¹⁶, 105.²⁷, 125.³⁵, 243.⁴, 271.¹⁵, Е. О. II. 12, IV. 14, угрозы Е. О. IV. 8, розъ Р. и Л. II.³⁹⁵ ³⁾; прилагательное тяжелый то с бѣлой 81.¹, оробѣлой 279.²⁷, то с голый 763.²⁵ ⁴⁾; корень лет,—попадая под ударение, также варьирует свой вокализм: с одной стороны—в лицейских стихотворениях—полеть—лѣтъ 16.¹², бѣдъ 63.⁷⁵, с другой—в позднейших—полеть—ходъ 478.¹² (в столь уснащенном славянизмами стихотворении, как «Пророк»), перелетной—беззаботной Цыг.¹²¹, заметной—заботной Е. О. VIII 26 ⁵⁾.

¹⁾ У других трех поэтов, которые имеются в виду в этом обзоре, корня тек—в рифме не встречается.

²⁾ Так и у Батюшкова: 6 примеров церковно-славянской огласовки, 1 пример—русской; у Тютчева—исключительно в церковно-славянской огласовке (4 случая); у Баратынского примеров не встречается.

³⁾ У Пушкина 3 примера церковно-славянской огласовки (включая слезнымъ), 11 примеров—русской. Такое же колебание, но с преобладанием церковно-славянской формы, и у Батюшкова: 8 случаев церковно-славянской огласовки, 7—русской; у Тютчева—исключительно в русской огласовке—10 случаев; у Баратынского примеров не встретилось.

⁴⁾ 2 примера церковно-славянской огласовки (1816 и 1821 г.), 1—русской (1835 г.). В единственном примере этого прилагательного в рифме у Батюшкова находим церковно-славянскую огласовку; у Тютчева и Баратынского примеров не встретилось.

⁵⁾ 2 примера церковно-славянской огласовки, 3—русской при отмеченном хронологическом распределении. Батюшков рифмовал этот корень только в

Едва ли не больший интерес представляет вопрос о произношении поэта в определенных морфологических и фонетических положениях. Сюда относится, и прежде всего, вопрос о фонической значимости грамматических окончаний, содержащих этимологический гласный *e* под ударением. Проф. Будде в числе других примеров Пушкинского еканья отметил обилие причастий прош. вр. стр. зал. с церковно-славянской огласовкой. К этому наблюдению следует прибавить, что церковно-славянский вокализм окончания можно констатировать у Пушкина почти исключительно в членных формах этого причастия (тип отдаленныхъ — военныхъ 63^{1—2}, включая сюда и усеченные формы им. п. мн. ч., как отягощенны утомленны М. В. II. 11, 12, в отличие от нечленной формы отягощенъ, утомленъ). В напечатанном в Венгеровском издании стихотворном тексте Пушкина находим 93 случая такой рифмовки членных причастий при одном случае рифмовки с сочетанием — онный, — ённый (сонный — усыпленный 25. 32. 1814 г.). Напротив, нечленная форма того же причастия встречается у Пушкина в церковно-славянской огласовке всего 7 раз, и притом, за исключением одного примера в «Полтаве» (вознесенъ — измѣнъ I. 425 — в контексте высокого стиля — в послании Мазены к Петру), исключительно в ранних стихотворениях — до 1817 г. (13. 73, 75, 31. 133, 36. 3, 82. 12, 109. 12, 143. 17); в русской же огласовке (типъ удивленъ — онъ Е. О. VI. 8) — 71 раз. Отсюда с известной степенью уверенности заключаем, что в языке Пушкина, — по крайней мере, в его поэтическом языке, — после 1817 г. церковно-славянская огласовка была свойственна только членной форме прич. пр. вр. стр. зал.; нечленную же его форму он употреблял — несомненно в согласии с живой разговорной речью образованного общества его времени — в русской огласовке¹⁾. В этом отношении словоупотребление Пушкина совпадает с языковым *usus*ом его младших по

церковно-славянской огласовке (2 примера). У Тютчева — 4 примера церковно-славянской огласовки, 1 — русской; у Баратынского бесспорных примеров не встретилось.

¹⁾ Ср. Будде. Ж. М. Н. II. 1901. II. Стр. 407. Опыт грамматики... I, Стр. 15: «То же *e* звучит и в прич. прош. вр. стр. залога в полной или краткой форме» (без дальнейшего различия).

языку современников, например, Баратынского ¹⁾ и Тютчева ²⁾, и отличается от языка поэтов предшествующего поколения, — напр., от языка Батюшкова ³⁾. Такая последовательность в употреблении церковно-славянской огласовки в членной форме причастия прош. вр. стр. зал. у целого ряда поэтов позволяет предположить, что это употребление соответствовало *usus* у разговорно-литературной речи их времени; можно, далее, высказать предположение, — впрочем, нуждающееся в серьезной проверке, — что эта форма, в силу последовательной церковно-славянской огласовки, в отличие от нечленной формы того же причастия, ощущалась как принадлежность повышенного стиля.

Весьма показательным для характеристики языка Пушкина сравнительно с языком его старших и младших современников является употребление церковно-славянской огласовки в конечном ударенном слого 3-го лица ед. ч. наст. вр. глаголов 1-го спряжения (с тематическим гласным — *e* —): рифмы типа *взойдетъ — свѣтъ* 13. 05

1) У Баратынского находим 13 примеров членной формы причастия в церковно-славянской огласовке и 1 пример — в русской, нечленная форма — 18 раз в русской огласовке и ни разу — в церковно-славянской. (Приводимые в этой статье данные относительно рифм Баратынского, может быть, не вполне покрывают его стихотворный текст, так как часть его обследована по старому — 4-му — изданию, 1884 г. Однако при столь значительном численном преобладании определенных видов огласовки в каждой из двух рассмотренных категорий эта неполнота не может иметь существенного значения для сделанного вывода).

2) У Тютчева, несмотря на его архаистическую тенденцию, находим нечленную форму причастия 14 раз в русской огласовке и всего 1 раз в церковно-славянской; членную же форму — 7 раз в церковно-славянской огласовке и ни разу в русской. (Также и относительно рифм Тютчева собраны данные только в пределах текста, напечатанного в 6-ом издании Маркса под ред. П. В. Быкова. Более поздние публикации, впрочем, весьма немногочисленные, не приняты в расчет. Однако и в этом случае неполнота материала, по тем же причинам, не может иметь серьезного значения.)

3) У Батюшкова находим 38 примеров членной формы причастия в церковно-славянской огласовке и ни одного — в русской. Следовательно, в этом отношении он совпадает и с Пушкиным, и с Баратынским, и с Тютчевым. Зато нечленное причастие также преобладает у него в церковно-славянской огласовке, в пользу которой свидетельствует не менее 7 примеров, тогда как русская огласовка встречается всего в двух случаях.

встречаются у Пушкина 8 раз; рифмы же типа уйдетъ—заботъ Р. и Л. П. ¹¹⁸ — 29 раз. При этом из 8 примеров церковно-славянской огласовки 7 падают на лицейский период — до 1817 г. (13. ⁹⁵, 14. ²², 31. ²⁰⁵, 39. ²⁷, 58. ²²⁵, 76. ³⁴⁷), и 1 — на 1821 г. (277. ⁸). У представителя предшествующего поколения — Батюшкова, напротив, церковно-славянская форма этой грамматической категории преобладает над русской ¹). У Баратынского церковно-славянская форма тематического детерминанта встречается, кажется, только один раз — в самом раннем его стихотворении — 1817 г. ²). У Тютчева, как и следует ожидать, несколько чаще, но все же русская огласовка преобладает ³).

Таким же путем решается вопрос об огласовке окончания твор. падежа ед. ч. в мягком различии склонений имен с основами на —о— (окончание — емъ) и на —а— (окончание — ею, — ей). У Пушкина находим в этих категориях всего по одному примеру церковно-славянской огласовки (алтаремъ — им. п. ед. ч. шлемъ в стихотворении лицейского периода 63. ²⁰ и чешую — надъ нею в «Гавриилиаде», по Венгеровскому изданию V. ¹¹) при 34 случаях русской огласовки для первой категории и 114 для второй (из последних 76 падает на слово душой, душою). Между тем у Батюшкова отношение этих двух видов огласовки, по крайней мере, в склонении основ на —а—, оказывается для церковно-славянской формы гораздо более благоприятным ⁴).

Изучение рифм позволяет также решить вопрос о твердом или смягченном произношении конечного заднеязычного согласного основы в им. п. ед. ч. муж. р. имен прилагательных (тип великий,

¹) 15 случаев церковно-славянской огласовки, 4 случая — русской.

²) По изданию Академии Наук под редакцией М. Л. Гофмана № 1, ст. 38 течетъ в рифме слѣтъ.

³) 8 случаев церковно-славянской огласовки, 19 — русской.

⁴) При значительно меньшем, чем у Пушкина, объеме стихотворного текста в тв. п. ед. ч. имен на —а— мягкого различия находим у него 10 примеров церковно-славянской огласовки и 15 — русской. У Тютчева при 5 примерах церковно-славянской огласовки той же формы видим подавляющее большинство — 24 примера — русской. У Баратынского примеров церковно-славянской огласовки этих форм вовсе не встречается.

отлогий, тихий¹⁾. Некоторые поэты нашего времени систематически обнаруживают в рифмах книжное — смягченное — произношение этих основ²⁾: так, например, у Инн. Анненского сребролукий — разлуки³⁾, у Андрея Белого (москвича) пылкий — бутылки⁴⁾, у Анны Ахматовой колкий — елки⁵⁾, у О. Мандельштама мелкий — тарелкѢ⁶⁾. У старых поэтов решительно преобладает твердое произношение, господствовавшее, да и сейчас господствующее в живой речи. У Пушкина при 41 бесспорном примере рифмы типа повѣса пылкой — бутылкой Е. О. I. 37 находим всего 8 примеров смягченного произношения — тип пылкій — ссылки Полт. III. 59⁷⁾; остальные примеры: 73.²⁸, 76.²¹⁸, 123²⁶, Е. О. V. 33,

1) Ср. Будде. Очерк истории... Стр. 57—58. Чернышев. Стр. 27.—28, 47—48. Кошутин. § 234. Стр. 388 сл.

2) Смягченное произношение этих основ является в наше время настолько распространенным (впрочем, наряду с сохранением несмягченного произношения), что Н. С. Гумилев даже в тех случаях, где он, в силу литературной традиции, рифмовал это окончание с несмягченным заднеязычным согласным, произносил свои стихи, часто выговаривал основу прилагательного с смягчением. (Засвидетельствовано фонограммой, хранящейся в Фонетической Лаборатории Института Живого Слова.)

3) Ник. Т-о. Тихие песни. Спб. 1904. Стр. 44.

4) Золото в лазури. М. 1904. Стр. 97.

5) Белая стая. Пг. 1917. Стр. 59.

6) Камень. Пг. 1916. Стр. 9.

7) Проф. Кошутин склонен считать эти рифмы у старых поэтов несоответствующими их произношению. Ср. Корн. Разбор вопроса о подлинности окончания «Русалки». Стр. 17. Однако, не менее вероятным представляется предположение, что книжное произношение этих окончаний уже в Пушкинскую пору было достаточно распространено в разговорной речи, и поэт мог ими воспользоваться как законными дублетами обычной для него несмягченной формы. Впрочем, едва ли не правильнее будет рассматривать смягченные окончания этих прилагательных как стилистический архаизм: в XVIII веке окончания —ый и ий вообще считались принадлежностью высокого стиля; как обычные же рекомендовались окончания —ой и ей. В высшей степени вероятно, что эта традиция — особенно в отношении прилагательных с заднеязычной основой, где чередование —ий: —ой влечет за собой существенное изменение фонического облика слова, — сохранилось до Пушкинской поры. Ср. Кантемир. Письмо Харитона Македони к приятелю о сложении стихов русских. Глава V. О вольностях в мере стихов. § 70; «Не с меньшою смелостию должно употреблять все окончания Славенские в прилагательных вместо Русских; так изрядно стоит сладкій, вместо сладкой, изряд-

Странствие Он. 32, 766.⁹, Ег. ночи 75¹). При помощи изучения рифмы можно установить также употребление смягченной или несмягченной формы суффикса имени прилагательного — *н* — при наличии таких дублетов, как дальный: дальний, поздний: поздний, зимний: зимний²). У Пушкина прилагательное дальный, дальний, независимо от написания, в различных своих формах рифмуется с печальной, печальный, печальнымъ (14.²⁷, 83.⁴⁸, Р. и Л. I. 311, 243.¹¹, 335^{Б 96}, Гр. Нул. 78⁷, 106⁶, 528.⁴, 16⁷, Полт. I. 188, 572.³, 648.⁴¹, 654.¹, Ск. о Ц. Салт. 256, Е. О. VIII. 5, 718¹³, 234.¹⁷, М. В. I. 103) и только один раз — при орфографии Венгеровского издания (авторской?) недавний с наковальни Цыг. 15; недавной, недавныхъ рифмуется с дубравной 84.⁵, славныхъ 183.⁴⁷; зарею поздной — с морозной Е. О. V. 4³). Из этого сопоставления можем с полной уверенностью заключить, что рифма зимний — въ лачушкѣ дымной 103.¹⁷ представляет собою рифму совершенно

ный вместо изрядной». — Ломоносов. Примечания на предложение о множественном окончании прилагательных имен. (Сочинения. Под ред. акад. М. И. Сухомлинова. Изд. Академии Наук. Т. IV. Стр. 1): «пославенски единственные прилагательные мужеские именительные падежи кончатся на ый и ий, богатый, старший, синий; а повеликороссийски кончатся на ой и ей, богатой, старшей, синей». Ломоносов. Российская Грамматика. § 446: (о промедших неопределенных страдательных причастиях) «от Славенских [глаголов] происшедшие лучше на ый, нежели на ой, простые Российские приличнее на ой, нежели на ый, кончатся». В стихотворной речи XVIII века смягченные формы преобладают над несмягченными, например, у Ломоносова; относительно употребления этой формы у Державина см. ниже.

1) Так же у Батюшкова: 7 примеров твердого произношения, 1 пример смягченного; у Баратынского 11 примеров твердого произношения, 1 пример смягченного; менее отчетливо у Тютчева: 6 примеров твердого произношения, 3 — смягченного.

2) Ср. Будде. Опыт грамматики... I. Стр. 19 — 20; II. Стр. 67 71; Ж. М. Н. П. 1899. V. Стр. 91; 1901. II. Стр. 411; Пушкин. Под ред. Венгера. Т. V. Стр. 242; Очерк истории... Стр. 85 — 86; Кошутич. § 214, примеч. 1 — 2. Стр. 296 — 297.

3) У Батюшкова находим дальный в рифме дважды — оба раза с несмягченным суффиксальным согласным. У Ломоносова и Державина прилагательные этого типа употребляются также с несмягченным — *н* —.

точную ¹⁾, и что фоническая значимость первого из этих прилагательных была бы передана точнее написанием зимный.

Приведем еще образец разрешения на основании материала рифм вопроса чисто-фонетического—о взрывном или фрикативном произношении конечного в слове этимологического (и графического) *з* (как *к* или как *х*) ²⁾. У Пушкина решительно преобладает взрывное произношение: другъ, вдругъ рифмуется с врукъ 31.¹⁰³, рукъ 86.¹⁵⁸, Р. и Л. IV.²⁵³, 684.⁷, звукъ Р. и Л. V.⁴⁸⁵, К. П. I.⁴⁴, 275.⁸⁹, 344.¹, 470.¹², 676.⁶, Е. О. I. 11, II. 39, мукъ 456.⁶, ¹⁰⁸, стукъ Е. О. I. 49; мигъ, вмигъ—с старикъ 131.⁶, Р. и Л. VI.¹⁹⁰, 335 Б ²³, Полт. III.²⁶⁸, Странствие Он. 10, языкъ Р. и Л. III.³¹⁶, крикъ Р. и Л. III.³¹⁹, V.³⁵³, Е. О. V.²¹, проникъ 419.² и т. п. При 57 примерах такой рифмовки находим у Пушкина всего 4 примера рифмовки конечного *з* с *х*, причем из этого числа 3 примера относятся к лицейскому периоду (другъ—духъ 26.²⁰, 31.³³⁵, мохъ—рогъ 52.¹¹) и один встречается в «Кавк. Пл.» (достигъ—за нихъ II.²⁷³). Очень рельефно выступает эта особенность поэтического произношения Пушкина при сравнении его рифм этой категории с соответствующими рифмами Тютчева, у которого господствует фрикативное произношение конечного *з*: другъ, вдругъ у него рифмуется с потухъ, двухъ, мигъ с благихъ и т. п. ³⁾.

¹⁾ Так полагает и проф. Кошутич.

²⁾ Ср. Будде. Опыт грамматики... I. Стр. 19; Ж. М. Н. П. 1901. II. Стр. 410; Пушкин. Под ред. Венгерова. Т. V. Стр. 242; Чернышев. Стр. 38—39; Кошутич. § 246. Стр. 422 сл.

³⁾ У Тютчева находим 15 примеров рифмовки *з*—*х* и 2 примера *з*—*к*.

Фрикативное произношение конечного этимологического *з* требует различного объяснения у старых и у новых поэтов. У последних, как, напр., у Фета, А. Толстого, Полонского, оно объясняется или непосредственным диалектическим влиянием (южно-великорусским или малорусским), или, как у Брюсова, иногда у Блока, пользованием дублетами, получившими в поэзии право гражданства, благодаря влиянию старых поэтов, с одной стороны, и может быть, поэтов, затронутых диалектическим влиянием—с другой. Что же касается старых поэтов—имеем в виду Ломоносова, Батюшкова (9 примеров рифмы *з*—*к*, 10 примеров *з*—*х*), Пушкина, Баратынского (10 примеров рифмы *з*—*к*, 7 примеров *з*—*х*), Тютчева (см. выше),—то у них фрикативное произношение *з* отражает старинный московский книжный выговор (См. ак. А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. Спб. 1912. Литогр. Стр. 61; ср. черновые варианты в «Российской Грамматике» Ломоносова. Сочин-

При помощи анализа рифм можно таким же путем разрешить вопрос о твердом или мягком произношении залогового форманта — *сь*, — *ся*¹⁾; вопрос о том, употреблял ли данный поэт в произношении формы множ. ч. женск. р. *онѣ*, *однѣ*²⁾ и форму род. п. ед. ч. ж. р. *ея*³⁾, или они являются у него только правописными; как он произносил форму им. — вин. п. мн. ч. имен ср. р. с неударенным окончанием (*села* или *селы*)⁴⁾ и т. д.⁵⁾.

Таковы непосредственные результаты, которые могут быть получены путем обследования рифм. Серьезное значение этих данных вне сомнения: с одной стороны, они характеризуют язык и, в частности, поэтический язык определенной эпохи, с другой — они служат критике и раскрытию звуковой значимости стихотворного текста. Остановимся сперва на использовании их в этом последнем направлении. Мы уже видели выше, как освещается материалом рифм написание зимній в тексте стихотворения Пушкина. На первый взгляд эта поправка может показаться маловажной. Однако, в действительности часто бывает достаточно изменить в стихе одну букву, чтобы нарушить фонический замысел поэта. Попробуем показать это на примере текста 4-го стиха стихотворения Тютчева «Сумерки».

Тѣни сизыя смѣсились,
Цвѣтъ поблекнулъ, звукъ уснулъ;
Жизнь, движенье разрѣшились
Въ сумракъ зыбкій, въ дальній гулъ...

нения. Т. IV. Примечания. Стр. 122: *Г* — *h*: гласъ, благой (вопия), во всех Славенских речениях». Там же: «*Г* как *ch*, ех. уч.: ногти, деготь, дегтя», в Пушкинскую эпоху, вероятно уже вымерший (повидимому, иначе проф. Будде, дит. соч.). Следовательно, совершенно прав ак. Корш, считая фрикативное произношение *г* у Пушкина результатом влияния литературной традиции и приписывая Пушкину «вне поэтической формы» произношение конечного *г* как *к*. (План... словаря Пушкинских рифм. Стр. 114.)

1) Ср. Чернышев. Стр. 28, 54; Кошутич. § 250. Стр. 435 сл.

2) Ср. Чернышев. Стр. 51 — 52; Кошутич. § 238. Стр. 402 сл.

3) Ср. Будде. Очерк истории... Стр. 27 — 28; Чернышев. Стр. 49 — 50; Кошутич. § 236. Стр. 399 сл.

4) Ср. Будде. Ж. М. Н. П. 1901. II. Стр. 412; Опыт грамматики... I. Стр. 20 — 21, 74; Пушкин. Под. ред. Венгерова. Т. V. Стр. 242; Очерк истории... Стр. 89 — 90; Чернышев. Стр. 47.

5) Проф. Кошутич широко использовал рифмы при изучении вокализма в неударенных и редуцированных положениях.

— Так печатается начало этого стихотворения в новых изданиях сочинений Тютчева. В первых двух изданиях ¹⁾ на месте слова дальній в 4-ом стихе стояло дальный. На основании рифмы дальней — патриархальной (винительные пад. ед. ч. м. р.) в стихотворении Тютчева «Запад, Норд и Юг в крушеньи» ²⁾, а также приведенных выше данных Пушкинской и Батюшковской рифмы можем заключить, что первые два издания точнее передают орфографию или — уж во всяком случае — произношение поэта, чем позднейшие (в том числе и составленное по рукописям издание 1900 г.). И в данном случае это обстоятельство имеет существенное значение для фонической структуры всей строфы. В самом деле, в рассматриваемом стихе нет ни одного гласного с высоким характерным тоном, и содержится только один смягченный согласный. В этом отношении заключительный стих четверостишия противопоставляется начальному стиху, где все гласные — высокие и почти все согласные — смягченные. Исправлением дальный на дальній издатели вводят в стих гласный высокой характеристики и второй смягченный согласный — и тем искажают фоническое построение поэта.

Не менее важное и притом более обширное приложение, чем в области критики стихотворного текста, имеют результаты анализа рифм для уяснения звучания стиха в тех случаях, где единообразная орфография прикрывает возможность различного произношения. Так, установив правила, которым следовал Пушкин в огласовке причастий прош. вр. стр. зал., мы можем утверждать, что в 19-й строфе IV главы «Евгения Онегина», несмотря на разговорный стиль контекста, рифмующиеся причастия следует читать рожденной, ободренной — сё, а не сё; так же в 189-м стихе «Галуба»

Окровавлённой кошкой сѣлъ,

а не окровавлённой; напротив, в 48-й строфе VIII главы «Евг. Онегина» поражёнъ и погружёнъ и также в «Мед. Вс.» I. ¹⁴³ обращёнъ, а не поражёнъ, погружёнъ, обращёнъ, и даже в столь торжественном контексте, в каком встречаем нечленное

¹⁾ Новонайденные стихотворения Ф. И. Тютчева. М. 1879. Стр., 15; Сочинения Ф. И. Тютчева. Спб. 1886. Стр. 61.

²⁾ Полное собрание сочинений Ф. И. Тютчева. изд. 6-ое, стр. 380.

причастие в стихотворении «Наполеон» (№ 278. 1821 г.), следует читать:

Да будетъ омрачѣнъ позоромъ,

а не омрачѣнъ.

Вспомнив сказанное о рифмовке прилагательных с ударенным суффиксом — ел — в ранней поэзии Пушкина, мы можем с уверенностью приписать прилагательным веселый и тяжелый, рифмующимся в V песни «Русл. и Людм.» (389—391) церковно-славянскую огласовку. Таким же путем устанавливаем, что в рифмах могъ—ногъ Е. О. I. 30 и лугъ—подругъ там же II. 27 конечные согласные — взрывные, а не фрикативные; что слово широкій внутри того же стиха, вероятно, будет правильнее с точки зрения норм автора произнести с твердым, а не смягченным конечным согласным основы. Далее, приняв во внимание данные Тютчевских рифм, мы можем с полной уверенностью читать слово поблекнулъ во 2-ом стихе цитированного стихотворения Тютчева с церковно-славянской огласовкой ударенного слога с ё, а не с ё̆, как произносят современные нам поэты (ср., например, рифмы Блока ст ё̆клами — бл ё̆клыми ¹⁾, Андрея Белого бл ё̆клой — ст ё̆кла ²⁾, Анны Ахматовой поблек — срок ³⁾). И это опять имеет существенное значение, ибо только при таком произношении мы сохраним входящее в композиционный замысел поэта противопоставление 1-го и 2-го полустиший этого стиха, из которых каждое повторяет под ударением один и тот же гласный, причем гласный, повторенный в 1-ом полустишии, по высоте собственного тона контрастирует с гласным, повторенным во 2-ом полустишии.

Переходим к вопросу о значении показаний рифмы для суждения о произношении, свойственном определенной эпохе. Здесь приходится различать два объекта исследования: произношение поэтического языка и произношение языка литературно-разговорного — речь образованных классов общества. Между развитием того и другого не всегда наблюдается полный параллелизм. Выше был показан пример такого расхождения в наши дни: мы имеем в виду упомянутое противоречие между традиционно-литературной рифмовкой прилагатель-

¹⁾ Стихотворения. кн. III. Изд. «Алконост». Пб. 1921. Стр. 306.

²⁾ Урна. М. 1909. Стр. 52; Пепел. Спб. 1909 Стр. 148.

³⁾ Anno Domini MCMXXI. Пб. 1922. Стр. 76.

ных с заднеязычной основой в им. п. ед. ч. муж. р. в стихах Гумилева и его живым произношением. Повидимому, в эпоху Пушкина это расхождение было значительно больше, чем ныне. Например, позволительно думать, что еканье в разговорной речи Пушкинской поры было распространено гораздо менее, чем об этом можно было бы заключить, рассматривая рифмы как фотографическое воспроизведение разговорного произношения. Следует полагать, что в начале прошлого столетия в русском образованном обществе существовало два типа произношения: один — декламационный и ораторский, и другой — разговорный, — подобно тому как в XVIII веке существовала разница — и, повидимому, еще более резкая — между языком «штиля» и разговорным языком образованных классов ¹⁾. Об этом позволяет догадываться то обстоятельство, что Пушкину удалось в определенный момент своей поэтической эволюции — приблизительно в 1817 г., с окончанием лицейского периода, — резко изменить систему поэтического произношения в сторону сближения его с разговорной речью: уже сделанный выше беглый и отрывочный обзор его рифм позволяет заключить, что в эту пору он значительно сузил в своих стихах область церковно-славянского еканья как в отдельных словах, так и в определенных грамматических категориях, и прекратил рифмовку-исходного : с *ж*. Конечно, сделать такой решительный поворот мог только великий поэт ²⁾; но раз это оказалось исполнимым, — значит существовали в языке дублеты, которыми можно было заменить обветшавшие формы; значит, существовали рядом полёт и полёт, слёзы и слёзы, победён и победён, взойдёт и взойдёт, друх и друк (друг). Очевидно, первый ряд форм восходил к литературной традиции, а второй принадлежал разговорной речи. И вот, пока мы остаемся в пределах заключений о декламационном произношении, рифмы служат для исследователя богатым и без-

¹⁾ См. по этому вопросу Булле. Ж. М. Н. П. 1898. III, 1899 V. Ср. Опыт грамматики... I. Стр. 4.

²⁾ Этот поворот в сторону сближения поэтического произношения с литературно-разговорным был отмечен и в современной критике: автор разбора «Руслана и Людмилы», напечатанного в 34 - 37 №№ «Сына Отечества» за 1820 г. с негодованием отмечал «мужицкие рифмы» кругомъ — копіёмъ, языкомъ — копіёмъ. (См. В. Зелинский. Русская критическая литература о произведениях Пушкина. Ч. I. Изд. 3-е. М. 1903. Стр. 75.)

условно достоверным материалом. Они позволяют определять последовательность явлений в области поэтической орфоэпии, иногда хронологизировать их с большой точностью — отметим указанную сейчас знаменательную дату — 1817 г., — распределять поэтов по моментам эволюции стихотворной речи и почерпать данные для установления общих стилистических устремлений того или иного поэта. Уже приведенных в этой заметке скудных сведений о рифме четырех поэтов достаточно для того, чтобы вывести некоторые заключения о том, как отозвалась произведенная Пушкиным реформа поэтического произношения среди его современников: одни, как Баратынский, прикнули к направлению, избранному их великим сверстником, и пошли еще дальше по пути ограничения элементов литературной традиции в разработке поэтического языка ¹⁾; другие, как Тютчев, стали в оппозицию и, невольно уступая в известной мере натиску элементов разговорной речи ²⁾, в то же время сохранили ряд языковых особенностей старой литературной традиции, которые отличают их поэтическую речь как архаизированную ³⁾. Таким образом, рифмы, свидетельствуя о декламационном произношении поэта и поэтической орфоэпии его времени, могут служить опорным пунктом для дальнейшего — всестороннего — исследования поэтического языка определенного автора и определенной эпохи.

Однако, решительность и резкость — почти мгновенность — сделанного Пушкиным перехода от одной системы поэтической утилизации языка к другой ни в малейшей мере не способны внушить нам уверенность в том, что он изгнал из своего поэтического обихода все фонетические особенности декламационного стиля речи, не оправдававшиеся разговорным произношением. Напротив, то обстоятельство, что до самого конца своей деятельности он сохранил

¹⁾ Напомним полное отсутствие у него церковно-славянской огласовки в нечленной форме причастия прош. вр. стр. зал., также в окончаниях твор. п. ед. ч. существительных — ею и — емъ, всего 1 пример глагольной формы 3-го л. ед. ч. наст. вр. на — етъ с церковно-славянской огласовкой.

²⁾ Всего 1 пример церковно-славянской огласовки в нечленной форме причастия прош. вр. стр. зал., произношения как слёзы и т. п.

³⁾ Примеры церковно-славянской огласовки тематического гласного в форме 3-го л. ед. ч. наст. вр. глагола 1-го спряжения и окончаний твор. п. ед. ч. существительных — ею и — емъ, слов веселый, полетъ, последовательная рифмовка конечного *и с х и т. д.*

архаизмы, которые трудно предположить в разговорном языке его времени, — и в морфологии ¹⁾, и в синтаксисе ²⁾, и в лексике, — позволяет думать, что и в области фонетики он ограничился лишь сокращением влияния литературной традиции, не прибегая к полной замене литературного произношения разговорным. Таким образом, о произношении разговорной речи образованных классов рифмы дают лишь косвенные показания, которыми следует пользоваться с большой осторожностью. В частности, по отношению к Пушкинской поре исследователь лишен гарантии, что в каждом отдельном случае рифмы отражают разговорное произношение поэта, а не произношение предшествующей эпохи, сохранившееся в поэзии лишь в силу литературной традиции, в разговорной же речи уступившее место той или иной инновации. Однако в случаях колебания у поэта старшей эпохи в той или иной категории рифм между современным нам произношением и произношением с точки зрения нашего времени архаическим — можем с уверенностью заключать о том, что в разговорно-литературном языке эпохи изучаемого поэта уже существовал преобладающий в нашей речи вариант.

Являясь, таким образом, источником первостепенной важности для изучения произношения минувших эпох — прежде всего произношения декламационного, а косвенным образом также и разговорного, — рифмы при использовании их в этом направлении все же требуют к себе осторожного и критического отношения — в силу одного обстоятельства, которое часто упускают из виду. — Рифму часто рас-

1) Например, нечленные формы прилагательного и причастия в не-особоженных определениях: Въ разны годы 768. св. 1835 г., буйну пѣснь (см. в следующей сноске), род. п. ед. ч. женск. р. прилагательных на —ья, —ія: тайна брачныя постели Е. О. IV. 50 (ср. *Будде*. Опыт грамматики... II. Стр. 32 сл.; Пушкин. Под ред. Венгерова. Т. V. Стр. 240; Очерк истории... Стр. 28 — 29, 43 — 44).

2) Например, отъ при глаголе страд. залога для обозначения действующего лица: Ты насъ обрѣлъ... Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ Отъ насъ созданнаго кумира. 746. 1834 г. (ср. *Будде*. Очерк истории... Стр. 106); может быть, сюда же следует отнести и употребление двйного винительного: см. предыдущий пример, также в «Сказке о мертвой царевне» 207—208: И оставили одну, Отходящую ко сну (об архаичности этого оборота см. *Потебня*. Из записок по русской грамматике. I — II. Харьков 1888. Стр. 517).

смаатривают как непременно звуковое равенство ¹⁾, тогда как в действительности есть целый ряд случаев, где рифма сводится лишь к звуковому подобию. Наше время, в лице Блока, Кузмина, Анны Ахматовой, Маяковского, окончательно канонизовало неточную рифму и притом в самых неточных ее разновидностях ²⁾. Однако некоторые формы неточной рифмы, истари применявшиеся в русской поэзии, уже давно известны теоретикам. Таковы 1) рифмовка неудачного конечного гласного с тем же или, в случае редукции, также и с другим гласным + *й*, а также различных гласных, приведенных к рифмованию присоединением к ним *й* (например, Тани — мечта- ний Е. О. IV. 11, благородный — угодно там же IV. 20, даже нынѣ — единый 103. 9 — 11 и героиней — Дельфиной Е. О. III. 10) ³⁾; 2) рифмовка гласных *и* и *ы* в известных условиях (напр., былъ — возмутилъ Е. О. IV. 11, старожилъ — давилъ там же II. 3, пишетъ — дышетъ там же III. 21, IV. 31, даже отчизны — жизни 37. 117 — 119 и жизни — укоризны 194. 2 — 4 и наконец череды — груди 55. 28 — 31) ⁴⁾.

¹⁾ Так, например, Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Спб. 1912. Стр. 153. Л. Якубинский. О звуках стихотворного языка. Сборники по теории поэтического языка. I. Пг. 1916. Стр. 18. Поэтика. Пг. 1919. Стр. 39.

²⁾ См. В. Жирмунский. Поэзия Ал. Блока. Пб. 1922. Стр. 94 сл.; Г. Адалович. Два слова о рифме. (Цех Поэтов. Кн. III. Пг. 1922. Стр. 52 — 54); Р. Яковсон. Новейшая русская поэзия. Набросок первый. Прага. 1921. Стр. 61 — 62.

³⁾ См. Корн. План... словаря Пушкинских рифм. Стр. 132 — 133; Кошутич. Стр. 369 сл. Впрочем, эта категория неточной рифмы, равно как и следующая, была канонизована уже в 1743 г. Кантемиром (см. Письмо Харитона Макентина..., Глава III. О вольностях рифм). В последнем из приведенных примеров проф. Кошутич предполагает точную рифму, допуская в старом языке возможность произношения героина (от фр. l'héroïne) — твор. ед. героиной (стр. 317), что весьма сомнительно как вследствие совпадения латинского суффикса с русским (ср. богиня, княгиня), так и вследствие многократной рифмовки героиня и богиня у Ломоносова.

⁴⁾ Ср. Кошутич. Стр. 364 сл. Ср. соображения проф. Бодуэна-де-Куртена по поводу рифм типа носила — кобыла, которые служат для него основанием утверждения, что звуки *и* и *ы* представляют собою разновидности одной фонемы — *i mutabile*. (Введение в языковедение. Изд. 5-ое. Пг. 1917. Литогр. Стр. 111 — 112.) Ср. по этому вопросу замечания проф. Л. В. Щербы, назв. соч. Стр. 50.

Поэт А. К. Толстой в наблюдениях над неточными рифмами значительно опередил теоретиков: в письме от 4 февраля 1859 г. 1) он излагает свои соображения о рифме в форме разбора своих «неправильных рифм». Из его рассуждений и примеров вытекает, что в женской рифме в заударных слогах как закрытых, так и открытых, допустимо рифмование любых гласных при условии принадлежности предшествующих согласных к одной категории с точки зрения различия твердости и мягкости; кроме того, он предусматривает возможность сопоставления в женской рифме открытого слога не только с сочетанием гласный + *ъ*, но и с сочетанием гласный + *л* (тип *с в ы ш е — у с л ы ш а л*) 2).

Теперь проф. Кошутич, исходя из детального и чрезвычайно тонкого анализа русского неударяемого вокализма, ввел в круг исследования целый ряд таких категорий неточной рифмы, которые до сих пор не замечались как таковые. Отрицательное отношение его к неточной рифме 3), которому можно противопоставить и авторитет А. К. Толстого 4), и ссылку на общее направление развития русского стиха за последние двадцать лет, не умаляет его огромной заслуги не только перед грамматикой русского языка, но и перед русской поэтикой.

К тем видам неточной рифмы, которые зарегистрированы в этом труде, следует, оставаясь в пределах до-модернистской поэзии, присоединить еще, по крайней мере, одну категорию: рифмовку различных оттенков гласного *е* под ударением — широкого, среднего и

1) Полное собрание сочинений. Изд. Маркс. Т. IV. Спб. 1908. Стр. 182. Использовано в теоретических целях *Л. П. Якубинским*, назв. соч., и проф. *Кошутичем*, стр. 329 — 330.

2) Об одинаковой — дифтонгической — природе тех и других сочетаний см. *Щерба*, назв. соч. Стр. 151.

3) «Легкость рифмования, которая и без того была чрезвычайно велика, — пишет проф. Кошутич о поэтах, применяющих неточную рифму, — доведена ими до апогея, и тем самым в поэзии узаконен элемент негармоничности — с одной стороны, и недилитературности — с другой» (Стр. 503). Ср. стр. 396, *passim*.

4) Имеем в виду упомянутое его письмо от 4 февраля 1859 г. и другое письмо — от 8 декабря 1871 г. (там же, стр. 241 — 242), также цитированное проф. Кошутичем (стр. 329 — 331); при этом проф. Кошутич слегка иронизирует и едва ли справедливо — над устанавливаемой Толстым «двойкой системой версификации» — с точной и неточной рифмовкой в зависимости от стилистического задания. (Ср. стр. 337.)

узкого ¹⁾ (типы блаженство — равенство 339_{18—20}, 448_{85—86}, 62—65, Ег. ночи_{13—15}, несколько раз у Державина; велѣли — похорошѣли Е. О. IV. 48; петли — нѣтъ ли 651._{13—15}) Правда, эти звуки представляют собою не различные фонемы ²⁾, а различные оттенки одной и той же фонемы, «так как не найдем в русском языке ни одного случая, где бы дифференциация смысла была поддерживаема лишь этими двумя оттенками» ³⁾, и применение в речи того или другого из них всецело зависит от комбинаторных условий. Тем не менее, даже в практической речи эти оттенки в известных условиях обнаруживают тяготение к роли самостоятельных фонем ⁴⁾. Но если в практической речи звуки различаются сознанием говорящих лишь постольку, поскольку они дифференцируют слова ⁵⁾, то в стихотворном языке оттенки фонем могут явственно различаться вне этих семантических условий ⁶⁾ — в зависимости от их роли в эвфоническом построении. Остановиваясь на различении оттенков фонемы *e* как на особенно отчетливом примере такой эмансипации оттенков в стихотворной речи, можем указать на стих Фета

Зеркало в зеркало с трепетным лепетом,

где два полустишия организованы эвфонически по тому же принципу, что и рассмотренный выше стих Тютчева

Цвет поблекнул, звук уснул. —

Первое и второе полустишие противопоставлены у Тютчева путем применения под ударениями двух контрастирующих фонем, у Фета — двух контрастирующих оттенков одной и той же фонемы. Да и в стихе Тютчева не безразличным является относительно низкий тембр *e* 1-го полустишия (средний оттенок): именно благодаря этому качеству дважды повторенного ударенного гласного, всё полустишие приобретает значение переходной ступени

¹⁾ Об этих трех оттенках см. *Шерба*, назв. соч. Стр. 79 — 81.

²⁾ Принимаем установленный *Л. В. Шербой* критерий фонеморазличения — способность элементарного фонического представления к ассоциации с смысловыми представлениями и к дифференцированию слов. См. «Русские гласные...» Стр. 14.

³⁾ Там же. Стр. 9.

⁴⁾ Там же. Стр. 18.

⁵⁾ Там же. Стр. 9 — 13.

⁶⁾ Ср. *Якубинский*, назв.

от высокого вокализма 1-го стиха к низкому вокализму 2-го полустишия 2-го стиха; между тем, если бы это *e* обладало высокой характеристикой (узкое *e*), то 1-е полустишие 2-го стиха примкнуло бы по вокализму к 1-му стиху (где, между прочим, в первом слове Тени уже содержится под ударением узкое *e*), и вместо постепенного и равномерного эвфонического перехода от высокого вокализма 1-го стиха через средний вокализм 1-го полустишия 2-го стиха к низкому вокализму 2-го полустишия 2-го стиха мы наблюдали бы резкий скачек от высокого вокализма чрезвычайно длительного метрического участка, обнимающего первые 1½ стиха, к низкому вокализму чрезвычайно краткого участка — 2-го полустишия 2-го стиха.

Приведенные наблюдения побуждают признать, что стихотворная речь, в отличие от практической, способна различать оттенки фонемы *e*, противопоставляя то широкий оттенок среднему (тип блаженство — равенство), то узкий среднему (тип велѣли — похорошѣли), то узкий широкому (тип петли — нѣтъ ли) как две самостоятельные фонические единицы, и потому рифмы, в которых чередуются эти гласные, должны быть отнесены к разряду неточных рифм. Их можно уподобить рифмам типа *и* — *ы* в том смысле, что к различению качества гласного присоединяется несмягченность предшествующего согласного в одном из рифмующихся стихов. Эти рифмы являются 1) в заимствованных словах в тех случаях, когда в одном из рифмующихся сочетаний гласный *e* не смягчает предшествующего согласного, т. е. когда ему предшествует один из исконно-мягких отвердевших согласных (*ш*, *ж*, *ц*) (примеры приведены выше); 2) когда в конце одного из рифмующихся стихов поставлено заимствованное слово не-обыденного употребления, с предшествующим согласным или без него, но во всяком случае без ударения на русском флексивном окончании, или же слово иностранное (Мери — двери, Мери — потери 657, Трике — рукѣ Е. О. V. 33, поэты — предметы Е. О. I. 57, III. 27, tête à tête — лѣтъ Е. О. VIII. 23); 3) в редких случаях применения в конечном слове одного из рифмующихся стихов широкого *e* в заимствованных словах в начальном положении (формы ед. ч. всех родов указательного местоимения этот; напр., эту — свѣту Е. О. VII. 27); и 4) при наличии соответствующих условий в составных рифмах (петли — нѣтъ ли).

Такая изменяемость объема фонического сознания, различающего в зависимости от направленности внимания то большее, то меньшее количество фонических единиц, возбуждает сомнение в истинности теории фонем. Эта теория исходит из психологического анализа языка только лишь в утилитарной его функции и, почерпнув в этом анализе семантический признак дифференцирования слов, создает схематизированное построение языкового сознания, не покрывающее сполна психологическую реальность. Однако эта система фонических единиц построена на различении основных единиц языка—слов,— и потому, вне всякого сомнения, соответствует реальности лингвистической; остается, следовательно, предположить, что сфера нахождения последней лежит вне психики или, точнее, не уместается в ней; другими словами, что область фонических явлений (как и вся область языка, взятая в целом), имея свою психическую сторону, в то же время обладает стороной внешней по отношению к сознанию. Именно это обстоятельство вынуждает, не ограничиваясь утверждением, что стихотворная речь отличается от практической «сосредоточением внимания на звуках» ¹⁾ и, следовательно, — потенциально — способностью к более тонким фоническим различиям, устанавливать, с одной стороны, фонические различия, реально осуществляемые в языковой системе данной эпохи или данного поэта и, с другой, те несоответствия между языковым сознанием и материальным звучанием, какие встречаются в той или иной системе поэтического языка. В качестве примера таких различий можем указать на отмеченное выше дифференцирование оттенков фонемы *e* в стихотворных построениях Фета и Тютчева; в качестве примера несоответствия между психическим (идеальным) и материальным составом стиха ²⁾ — на рифмование тех же оттенков в поэзии Пушкина.

Для уяснения этих примеров важно различить две возможности при оценке стилистического значения неточностей рифмы: ориентируясь на частный случай рифмы в форме звукового равенства, Пушкин, допуская неточное рифмование, должен был либо отвлекаться

¹⁾ См. Якубинский, назв. соч.

²⁾ Ср. Л. В. Щерба. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов. Записки Неофилологического Общества при Петроградском Университете. Вып. VIII. Сборник в честь Ф. А. Брауна. Пг. 1915. Стр. 339 — 347.

от несовпадения в материальном звучании, прибегая к способу фонемо-различения, свойственному практической системе языка (в нашем случае — единство фонемы *е* с утилитарно-семантической точки зрения) и к помощи графической области языковых представлений (единство графемы *е*), либо смотреть на неточную рифму как на художественный прием, состоящий в легком и, в количественном отношении, весьма ограниченном фоническом несовпадении концов стихов на фоне господствующего полного их совпадения. В первом случае возникало несоответствие между фоническим сознанием, в плане которого создано стихотворение, и материальным его звучанием; в последнем намечался переход к полному осознанию художественного значения неточной рифмы как звукового подобия, какое мы находим, например, во втором из упомянутых писем А. К. Толстого. Констатировать в каждом конкретном случае то или иное отношение поэта к неточной рифме очень нелегко; искать критерии для разграничения следует в детальном анализе эфонической структуры стихотворения. Кроме того, весьма существенное значение имеет степень привычности того или иного вида неточной рифмы, его традиционность (канонизованность): можно, например, с уверенностью предположить, что в эпоху Пушкина рифмы с чередованием *и* и *ы*, разных оттенков *е*, гласного с гласным + *ъ*, по общему правилу были лишены стилистической знаменательности неточной рифмы и представляли собою примеры отвлечения творческого и воспринимающего сознания от неточности совпадения в материальном звучании (что, конечно, принципиально не служит препятствием для художественного осознания этих несовпадений в составе того или иного эфонического конкретного построения). Но женские рифмы с чередованием открытых или закрытых конечных (неударенных) слогов (упоминаемый А. К. Толстым тип *свыше — услышал*), как необычные, должны были во всей полноте обладать силой неточной рифмы, т. е. частичного совпадения при отчетливом ощущении отсутствия полного тождества. Недаром они вызвали возражения со стороны блюстителя старшей литературной традиции Тургенева ¹⁾ и потребовали теоретического обоснования со стороны применившего их поэта. Что же касается общей ориентации Пушкинского стиха на трактовку рифмы как звукового равен-

¹⁾ См. упоминавшееся выше письмо А. К. Толстого от 4 февраля 1859 г.

ства, то она подтверждается относительно ничтожным количеством неточных рифм вне канонизованных типов и, главное, отсутствием систематического их использования в композиции стихотворений. Исходя из этих соображений, можем предположить, что рифмы типа можно — должно, нередко встречающиеся в поэзии XVIII и начала XIX века (например, еще у Батюшкова), неточность которых состоит не только в том, что гласный *о* чередуется здесь с дифтонгом *ол*, но еще и в том, что слоговой элемент дифтонга представляет собой узкий оттенок гласного *о*, тогда как вне дифтонгического сочетания имеем широкий его оттенок ¹⁾ (то же отношение, что между узким и широким *е*), — что эти рифмы являются таким же традиционным примером несовпадения идеального фонического состава стиха с материальным звучанием, как и случаи рифмовки *и* с *ы* или разных оттенков *е*.

Из сказанного вытекает методологическое требование, — изучая произношение поэта на основании его рифм, предварительно установить типы применяемых им неточных рифм. Так, например, обзор неточных рифм Державина покажет, что у него нередко встречаются мужские рифмы с чередованием в закрытом слоге заднеязычного глухого взрывного согласного с соответствующим фрикативным (*к* — *х* ²⁾, например: *лукъ — духъ* ³⁾, *мракъ — прах* ⁴⁾, а также рифмы (мужские и женские) с чередованием смягченного и несмягченного согласного ⁵⁾ например, *овладѣлъ — Лель* ⁶⁾,

¹⁾ См. А. А. Шахматов. Курс истории русского языка. 2-ое изд. Ч. I. Спб. 1910 — 11. Литогр. Стр. 42; Очерк современного русского литературного языка Спб. 1911. Литогр. Стр. 91.

²⁾ Ср. Кошутич. § 248. Стр. 429 сл. Такие рифмы — мужские, женские и дактилические — встречаются и в ранних стихах Пушкина: *табакъ — прахъ* 19. 28—30; остальные примеры мужской рифмы этого типа; 21. 42—46, 102—105, 29. 54—56, 31. 304—306; в эпиграмме 1830 г. *Полякъ — Ляхъ* 624. 1—2; женские рифмы: *мохомъ — потокомъ* 16. 9—11; остальные примеры: 24. 39—41, 74—75; дактилическая рифма: *дикости — лихости* 159. 21—22. Ср. Кошутич. Разбор вопроса о подлинности окончания «Русалки». Стр. 17 — 19.

³⁾ Сочинения Державина. Под редакцией Я. Грота. Изд. Академии Наук (в 9 томах). Т. I, стр. 370; т. II, стр. 613.

⁴⁾ Там же. Т. II стр. 595 — 596.

⁵⁾ Ср. Кошутич. §§ 258 сл., стр. 429 сл.

⁶⁾ Сочинения Державина. Т. II, стр. 378.

путь—даютъ ¹⁾, принудить—любитьъ ²⁾, Осень—плодоносень ³⁾, водометный—лѣтній ⁴⁾. Вследствие этого, несмотря на подавляющее преобладание в его стихотворном тексте рифм с чередованием *г—х* над рифмами с чередованием *г—к* и на несколько менее решительное преобладание рифм ни *кій* над рифмами на *кой*, мы не решимся с полной уверенностью утверждать, что Державину было свойственно фрикативное произношение конечного этимологического *г* и смягченное—им. п. ед. ч. м. р. прилагательных с заднеязычным исходом основы. Точно так же, констатируя среди неточных рифм Блока чередование в женских окончаниях смягченных и не смягченных согласных (например, сини *й*—Магдалина—пустыни ⁵⁾, шелест—прелестъ ⁶⁾ и т. п.), мы утрачиваем критерий для фонического истолкования таких его рифм, как *лики*—*безликий* ⁷⁾, с одной стороны, и *праздник великий*—*подметелицей дикой* ⁸⁾, с другой: вопрос о том, точные это рифмы или неточные, остается открытым.

Итак, звуковое равенство есть лишь частный случай рифмы; в общей же форме она определяется как звуковое подобие, пределы которого варьируются и подлежат особому исследованию для каждой эпохи, для каждой поэтической школы, для каждого отдельного поэта ⁹⁾. Из этого общего положения вытекает ответ на вопрос о границах применимости анализа рифм к решению вопросов о произношении. В тех случаях, когда какими-либо другими данными (например, показаниями орфографии, свидетельствами современников, историко-лингвистическими соображениями и, главное, дублетными формами или какими-либо косвенными указаниями в нынешнем произношении) установлена возможность двоякого произношения в соответствии определенному графическому начертанию, изучение рифм

¹⁾ Там же. Т. II, стр. 485.

²⁾ Там же. Т. II, стр. 539.

³⁾ Там же. Т. II, стр. 554.

⁴⁾ Там же. Т. II, стр. 705.

⁵⁾ Александр Блок. Стихотворения. Кн. III. Изд. «Азбука». Пб. 1921. Стр. 11.

⁶⁾ Там же. Стр. 271.

⁷⁾ Там же. Кн. I. Изд. «Земля». Пб. 1918. Стр. 100.

⁸⁾ Там же. Кн. III, стр. 313.

⁹⁾ Ср. Жирмунский, назв. соч. Стр. 92.

во многих случаях позволяет безошибочно решить вопрос о том, каким из существовавших фонетических вариантов пользовался данный поэт и — с сделанными выше существенными оговорками — литературно-разговорная речь его времени; далее, анализ рифм позволяет в этих случаях хронологизировать рождение и вымирание тех или иных произношений, и, особенно, их появление в поэтическом языке и исчезновение из него; отсюда вытекает и ряд намеченных выше выводов историко-литературного характера. Но непозволительно, исходя из неточного представления о рифме как звуковом равенстве, без дальнейших доказательств отождествлять два звукосочетания только на том основании, что они рифмуются. Совершенно законно поэтому критическое отношение, какое проявляет к рифмам проф. Кошутич, отличая точные рифмы от неточных и распределяя последние по степеням точности. И, по тем же причинам, трудно согласиться с проф. Щербой, когда он пользуется рифмами Лермонтова типа олен и — растеній, тучи — могучій для подтверждения своего, основанного на точном измерении, вывода о том, что «на самом деле в обыкновенном произношении сини и и сини не отличаются»¹⁾. Метод доказательства совпадает здесь с изложенной выше аргументацией проф. Бодуэна-де-Куртенэ в пользу тождества фонем *и* и *ы*, с той, впрочем, разницей, что проф. Бодуэн, возводя эти два звука к одной фонеме, все же далек от утверждения, будто они тождественны также и в материальном звучании. Допуская подобное доказательство фонического тождества графического сочетания *ий* без ударения в конечном положении с гласным *и* в тех же условиях, мы были бы вынуждены, исходя из рифм типа носила — кобыла, утверждать тождество гласных *и* и *ы*, или — несколько менее грубый пример — на основании рифм типа велели — похорошили и т. п. отрицать разницу между тремя упомянутыми оттенками фонемы *е*.

Экспериментальное основание для этого утверждения проф. Щерба почерпает в том обстоятельстве, что длительность дифтонга *ij* в конечном неударенном положении слишком незначительно превышает длительность гласного *i* в том же положении для того, чтобы эту разницу можно было признать неслучайной; то же относится и

¹⁾ Русские гласные... Стр. 153.

к дифтонгу *ьj*. Можно полагать, что эта равнодлительность сочетания и его части является мнимой. Весьма вероятно, что в произнесении неслоговой части дифтонга быстро наступает заглушение (прекращение деятельности голосовых связок), а глухая часть (*ç, ich—Laut*) в конечном положении, вследствие крайне незначительной интенсивности ¹⁾ может не представить данных для распознавания ее на графике. Если это не относится к дифтонгу *aj* в том же положении, длительность которого значительно превышает длительность изолированного слогового элемента, то это может объясняться тем, что после *i* и *ь* неслоговой элемент действительно короче, чем после гласных заднего ряда: в самом деле, для образования дифтонга в первом случае не требуется перемены качества звука и — с физиологической стороны — перемены места звукообразования; для того, чтобы дифтонг был осознан как таковой, достаточно лишь прекращения слоговой функции производимого звука, что с точки зрения тех сведений о слогеобразовании, какими располагает пока фонетика, вероятно, достигается резким перебоем в силе звучания; как только осуществилось это динамическое изменение, звучание может прекратиться; между тем, при участии в нисходящем дифтонгическом сочетании слогового гласного иного образования, чем его неслоговая часть, требуется еще время для выполнения новой артикуляции и для акустического опознания нового звукового качества.

С. Бернштейн.

Дополнение: С «Заметками по истории русского языка» проф. Н. Н. Дурново («Известия Отд. Р. яз. и сл. Р. А. Н.», т. XXIII, кн. 2) автор ознакомился, к сожалению, уже после того, как статья была набрана. В первой из них («Рифмы, как материал для суждения о произношении», стр. 92 — 95) затронут ряд вопросов, подробнее рассмотренных в предлагаемой статье, методологические выводы которой в отношении этих вопросов вполне согласуются с ображениями проф. Дурново.

¹⁾ См. Кошутин. § 6. Стр. 6.

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
СЕМЕНА АФАНАСЬЕВИЧА
ВЕНГЕРОВА

ПУШКИНИСТ IV

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. В. ЯКОВЛЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • ПЕТРОГРАД

1922